

ЭРИХ МАРИЯ

РЕМАРК

*Я ЖИЗНЬЮ ЖИЛ ПЬЯНЯЩЕЙ
И ПРЕКРАСНОЙ...*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Эрих Мария Ремарк

**Я жизнью жил пьянящей
и прекрасной...**

«Издательство АСТ»

1998

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44

Ремарк Э.

Я жизнью жил пьянящей и прекрасной... / Э. Ремарк —
«Издательство АСТ», 1998 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-159225-7

В этот сборник вошли дневниковые записи Ремарка, которые он писал всю жизнь. Один из величайших писателей XX столетия предстает в них обычным человеком, — человеком, переживающим бурные романы и драматические разрывы с любимыми женщинами, с ужасом наблюдающим за трагедией одержимой нацизмом Германии 30-х, познающим неустроенность трудной жизни в эмиграции и радость возвращения домой после войны. Человеком, умевшим дружить и любить и даже в самые нелегкие времена не терявшим своеобразного, чуть саркастического юмора. Человеком, которого не могла изменить ни бедность и безвестность, ни всемирная слава... В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.112.2-94

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-159225-7

© Ремарк Э., 1998
© Издательство АСТ, 1998

Содержание

Дневники	6
1918	6
1935–1955	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эрих Мария Ремарк Я жизнью жил пьянящей и прекрасной... ..

Erich Maria Remarque

BRIEFE UND TAGEBÜCHER

First published in the German language as «Briefe und Tagebücher» by Erich Maria Remarque

© The Estate of the late Paulette Remarque, 1998

© Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG, Cologne/ Germany, 1998

© Перевод. В. Куприянов, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Дневники Выдержки

1918

Дуизбург , 15.08.<1918> вечер*

Марта* принесла розы. Среди них две ярко-красные, с нежным ароматом. Аромат струится через открытые окна и смешивается с бесконечно мягким вечером. Когда я чувствую этот сладкий аромат темно-красных роз, я всегда вспоминаю о Фрице. Как мчится время. Эта весна, которую ты хотел пережить, Фриц*, давно уже созрела для золотого лета. Сквозь ясный воздух предчувствуется бабье лето, и деревья за моим окном кажутся почти медно-золотыми в вечернем свете. Все еще эта боль по тебе, Фриц, рана все еще кровоточит. Твои золотые мечтательные сказочные глаза до сих пор в моей памяти, и твой мягкий голос в пепле далекой урны, ах, такой далекой урны.

Фриц, единственный, кому я мог открывать свою тяжелую душу! Единственный, кто проникал вместе со мной в загадку моего бытия! Ты мертв. Было бы бесславно и бессмысленно оплакивать тебя. И все-таки в жизни должны быть и цель, и задача! Жизнь познать, преодолеть, чтобы жить, несмотря ни на что! Жизнь не стоит жизни – и все-таки.

Жизнь!

Летний вечер слишком томительно синий, вечерний ветер шумно играет на арфах огромных деревьев за моим окном. Я думаю о последних днях. Отболело-отзвучало.

Остается только воспоминание.

Я склоняю мою голову перед тобой, Лючия*! Ибо ты скрасила мои три вечера своей душевной добротой и самоотдачей. Звездная ночь укутывала эти три вечера, вечное волшебство брезжущей летней ночи. Вечные звуки Бетховена и чистая зрелая человечность Фрица были с нами. С вниманием к моему внезапному одиночеству и тоске по тебе ты приходила, как велели твои чувства.

О, как я презираю тех женщин, которые при каждом невеликом деянии их шаблонной души оглядываются по сторонам, дозволено ли им это или не видят ли этого другие! Они считают шаг навстречу серьезным поступком и требуют безграничной благодарности. Я презираю их чуть ли не больше, чем тех женщин, чья любовь всегда является страстью, или тех, которые верят, что какой-то волшебный час привязывает и влечет за собой права и обязанности на всю жизнь. Тех, которые после душевного созвучия в какой-то счастливый час уже предъявляют претензии, пусть еще не на обручение и брак, но хотя бы на обхождение с собой. И потом они во всех возможных ситуациях смотрят столь вопрошающе: «Ты еще помнишь? Что я тебе позволила? Что ты меня поцеловал? Теперь ты обязан меня любить; ведь ты держал меня за руку». Или это только мое воображение, или действительно люди настолько отстали? Какой муж не обвинит жену в неверности, когда он увидит, что его жена, находясь наедине с другим мужчиной, целует его? Но не будет ли обвинение мужа ясным доказательством его эгоизма? Он хочет единолично владеть женщиной, не позволяя никому бросить на нее свой взгляд? И подобно бешеному петуху бросаться на того, кто, как ему показалось, позволил себе подобное? Я могу легко представить и понять, когда женщина, будучи с кем-то другим во взаимном душевно-духовном общении и подъеме, в самопознании и сопереживании, придает этому духовному созвучию еще и телесное выражение. Это вполне естественно, согласно законам гармонии и

чувственного подъема. Это телесное выражение духовного сопереживания, будь то поцелуй или соприкосновение, необходимо для совершенного подъема и естественного разрешения. Если бы это было изменой, то тогда любое духовное взаимопонимание и сопереживание – тоже измена, тогда любой глубокий разговор, при котором двое понимают друг друга, дополняют и совпадают, – тоже измена. Потому женщина продолжает и дальше любить своего мужа, когда она в какой-то серебряный час в высоком подъеме и разрешении целует другого. Другой и она принадлежат друг другу на один час, но муж и она принадлежат друг другу всегда. Если я так люблю еще и другого человека и вижу в нем свое осуществление, то все-таки возможно на один час дать другому то же самое и быть тем же самым (почти, по крайней мере) для этого другого! Но если я для него значу больше и он мне дает больше, тогда мы принадлежим друг другу, тогда будет естественно и по праву, что другой от меня сразу же отказывается. Если же он этого не делает, то это может происходить только из-за эгоизма, а вовсе не из любви, как это считается, из любви к самому себе, а вовсе не ко мне. Человек живет своей жизнью только один раз, и он должен ее, насколько это возможно, возвышать и наполнять. И разве это не безобразие, регулировать ее бумажными законами и заключать ее добровольно в какие-то шаблоны.

Любовь – это же не долгосрочная, медленно горящая лампа! И поэтому она и не всегда кроваво-красный пожар, она может быть и мягким светом звезд. Я считаю любовь недостаточной и не соответствующей браку. Любовь – это душевно-духовное, высочайшее созвучие, разрешившееся в телесном. То, что необходимо для брака, я бы назвал скорее дружбой; или, может быть, любовной дружбой; если это выражение не слишком отталкивает.

Любовь – это упоение!

Не упоение чувств, но упоение (это слово в самом лучшем и высоком смысле) душ! Любовная дружба, основанная на внутренней самоотдаче, всегда одна и та же, нежная, доверяющая и доверительная совместная жизнь, из которой снова и снова, в зависимости от настроения и времени, расцветает любовь. И теперь я скажу то, что хотел доказать: женщина *не является* неверной, если она любит другого! («любит» в моем понимании) Таким образом, необходимая для брака сущность, любовная дружба, вовсе не становится нарушенной или ограниченной. *Я могу человека, с которым я никогда бы не смог жить вместе (брак), все-таки, пусть на час, любить!* Любовь – это аромат цветения из блаженного сада! Он приходит, одухотворенный, и уходит. И снова все как прежде. Нужно ли затыкать себе рот и нос, поскольку хочется ощущать не этот ветер, а лишь аромат роз в букете? Не было бы это глупостью? У людей (в благороднейшем смысле) должна царить совсем другая свобода и более широкий образ мысли в отношении состояний души. Если бы я хотел пойти дальше, я бы сказал: неверности не существует вовсе, также как и греха, и добра, и зла!

Все естественное – это благо и право!

Эта точка зрения годится только для тех людей, которые честны по отношению к самим себе.

Можно также закутать свой эгоизм в пальтишко правды и естественности, чтобы проникнуть в запретные сады. Можно ли посредством собственной человечности ограничить другого, своего ближнего, в его эгоизме? – загадка, которую я сегодня вечером не могу разрешить.

И ты, Лючия, навела меня сегодня на эти раздумья: поскольку ты обручена с другим, и все же была для меня возлюбленной в течение трех душевных часов.

Возлюбленная! Да, я пишу так! Но иная возлюбленная, нежели полагают многие, называя это слово, ибо они подразумевают под возлюбленной только спутницу смятения чувств.

Лишь женщины ходить умеют столь тихим шагом. Зренье хуже к ночи.

И снова полнолуние на дворе: луна – как шар, старинна и желта.

Грустнейшее из слов на свете – «вечность».

«Ушли они, исчезли, словно тени...»

И за это я превозношу и прославляю тебя! За что другие тебя презирают (возможно), за это я прославляю тебя!

Потому что ты – человек и женщина! В благороднейшем и глубочайшем смысле. Не для того чтобы пережить мимолетное головокружение или, говоря плоским филистерским языком, чтобы обрести прекрасное воспоминание на старости лет (которое, согласно взглядам адептов этого учения, состоит из как можно большего числа приключений и поцелованных уст), нет, чтобы усилить волнение души и гармонично его разрешить, для этого мне позволено целовать твои уста и касаться твоей руки.

Если бы эти часы, которые мы пережили вместе, были бы только головокружением и опьянением плоти, то от них бы ничего не осталось: одно отвращение и взаимное презрение!

Да, презрение! Ибо мое ранее сформировавшееся воззрение не означает, что можно теперь ласкать, целовать и обладать столько, насколько позволяет страсть. Нет, но лишь как высочайшее выражение душевного и духовного напряжения, возвышения и дополнения имеет смысл и телесное сближение, и близость. Нужно всегда это различать.

О каком-то поцелуе или объятии не стоит даже говорить (скорее всего), но лишь о полной самоотдаче! Я хотел бы сказать: то, что является телесным выражением духовного подъема, никогда или едва ли могло бы случиться, если бы все находилось в гармонии. Для большинства людей не представляется возможным при достижении определенного понимания развиваться дальше свободно и возвышенно в душевном и духовном направлении. После того как их инстинкты и чувства, эти внешние подступы души, будут слегка затронуты, они не способны, вследствие неразвитости крыльев, взлететь душевно и духовно, чтобы воспарить в царстве истинной, чистой, подлинной любви. Вместо этого они остаются прозябать на земле, отдают и берут свои тела в пылкой похоти и воображают себе, естественно, так же как и звери (вот еще одно ключевое слово, с которым творится много пакостей), что они принадлежат друг другу, – и превозносят этот вид любви как единственный и высочайший. Самое скверное здесь то, что у них нет почитания подлинной любви. Это в их глазах ультрамодерн, сверхэстетика, твердолобость, мечтательность и т. п. Я не призываю к платонической любви! Но я хочу не только чувственной любви! Не только души! Но и не только тела! И как любая телесная деятельность есть лишь выражение духовной функции, также должна быть телесная любовь выражением любви духовной. Ни одно из этого не существует без другого; во всяком случае, не должно быть плотской любви без духовной.

<18.08.1918, Дуизбург> поздно вечером

Мои розы умирают. Свет лампы еще сказочно их золотит, но завтра они увянут и опадут. Вчера вечером я поставил их в теплую воду; теперь они отцвели и умирают.

Приходит осень. Вчера, когда Марта позвала меня с собой, моросил мелкий дождь. Каштаны стояли в по-осеннему бурой листве под серым небом. В первый раз я ощутил по отношению к Марте вовсе не то чистое бессознательное чувство, которое испытывал прежде. Что-то появилось иное. Я изучал это, задумывался и молчал. Откуда это пришло, я не знаю. Я бы хотел верить, что это всего лишь осень прокралась в кровь, хотя порой совсем другое что-то вспыхивает во мне, что приливает всю кровь к сердцу из-за моего непостоянства и из-за моей судьбы. Если бы в этом заключалось все дело... тогда надо людей моего типа расстреливать или вешать. И Мартель тоже чувствовала эту чуждость и молчала. Тоже. Когда я рассказал ей о влиянии времен года на меня, что я только весной и летом способен любить, тогда как осень рождает во мне чувство одиночества, а зима целиком посвящается работе, она спросила: «А другие?» – «Которые?» – «Так, осенью и зимой тебе хватает себя одного – но у меня, у меня же есть только ты!» Уголки ее губ подрагивали. Когда я, пытаясь отвлечь, поцеловал ее, я почувствовал ее дрожь. У меня было только одно желание: пусть все останется, как раньше! О,

только бы не стать во второй раз по отношению к женщине предателем! Я вовлек Хедвиг^{*} из ее с трудом обретенного покоя чувств в мою тревожную жизнь и заставил страдать. Не принесу ли я снова другой женщине после краткого упоения долгое разочарование? Мне становится иногда жутко от самого себя, от этих сил, которые разрывают меня и управляют мной из мрака. Насколько правдива моя шутка, когда я говорю, что могу любить только каждые два месяца? Я слишком устал, чтобы все время думать об этом. Я хочу, чтобы все было хорошо! Чтобы все оставалось по-прежнему! Бедная маленькая Марта!

Сегодня после полудня мы вместе с товарищем (это был Карл Рат^{*}) играли на рояле и на скрипке в одном ресторане, в Вальдекер-Хоф. Единственная возможность. Мы оба увлеченно сошлись на Вагнере. Такая картина: мой товарищ с ногой в гипсе, красный шелковый платок обмотан вокруг ступни, чтобы не торчали пальцы, в белом костюме, прихрамывающий, рядом с ним я со скрипкой и нотами, с длинной сигарой во рту, в запрещенной шапке, поддерживаю его.

Сегодня вечером я был в комнате 77, где участвовал в оживленном разговоре о политике, (в высоком смысле) государственных формах, обществе, законах, религии, государстве и т. п. Взгляды никак не сходились, но было все-таки интересно и свежо услышать чужое мнение. Из-за непрерывного курения сигар у меня немного помутилось в голове, которую я хочу прояснить, немного поспав.

Вторник, 20.08.<1918>, полдень. <Дуизбург>

Моросит легкий дождь, воздух сер и промозгл. Мне хочется снова вернуться на два года назад в сказочную келью^{*} Фрица, в его коричневую комнату. Какой родной и уютной была она всегда, золотисто-коричневый тон комнаты, мягко освещенный красноватым светом лампы, молодость, красота и веселье, а надо всем этим томительно-нежное ожидание грядущей разлуки. Когда остыло зимнее солнце под снежными облаками, громче завывали ночные снежные ветры, медленно закружились снежинки в сумерках зимней ночи, снег становился все плотнее и плотнее на нашем чердачном окошке, нашем окошке, пестром от сказок и грез, – потом оставался только свет от золотой лампы, – в углах угнездились сумерки, мы теснее прижались друг к другу, и наши души начали колыхаться. В печи пеклись яблоки, и их аромат тянулся нежно по комнате и окутывал медного Бетховена в его углу. Да, угол Бетховена. Картина Фрица «Соната весны», великолепная гравюра, загорелый танцор, посмертная маска, обрамленная вечнозеленой хвоей, и цветы, жертва, – это было сущностью уголка Бетховена. Но лучше всего было утром, когда солнце заглядывало в сказочное окошко и в пестрых камнях, ракушках и склянках вспыхивало зеленое, красное, голубое, перламутровое, золотое – целый бунт красок, стихотворение красок, преподнесенное хмурому Бетховену. И так оно проникает все дальше и дальше, разоблачая все новые чудеса света, окутывая Бетховена золотым сиянием, заставляя вспыхивать на стене все новые и новые сказочные картины. Да, наш уголок Бетховена.

На белой скатерти стола размечтались розы, настоящие розы, поблескивали винные бокалы, отбрасывая рубиново-красные тени, стоял замечательный чайный сервиз Фрица, на бело-коричневом пестром блюде, ах, на любимом блюде, лежали коричневые печенья и ждали, когда их с маслом и – о Фриц – с сиропом из сахарной свеклы съедят вместе с печеными яблоками. И ты сам, Фриц, в своем белом праздничном пиджаке и со своей благородной человечностью; ибо у тебя все подобрано друг к другу и все мгновенно может быть названо: твоя великолепная панاما и твоя душевная любовь к Элизабет^{*}, твой новый плащ и страстная любовь к Кэт^{*}, твоя любовь к чаю и сигаретам и твое последнее смирение глубочайших волнений души, твоя прекрасная естественность и твоя потрясающая молитва к звездам каждой ночью. Каждый день ты был мучим кашлем и болью – и все же каждый твой вечер был глубок и царственен.

Да, Фриц, ты *подлинно* скромный человек, ты был одним из тайных царей, которые незримо проходили по миру в нищенском рубище – только немногие видели их незримую корону при жизни – лишь когда они умирали, тайные цари, и небо, и земля оплакивали их, тогда с удивлением прислушивались к этому люди и признавали: один из спасителей, которых они искали на другом конце света, был неузнанным среди них и умер. Они сожалели. Бесконечная скорбь по тебе и сейчас не проходит, Фриц. В последние два года я виделся с тобой не больше пяти дней – и тогда на меня давила смерть моей матери*. И как бы я хотел поделиться с тобой любовью и добротой – только теперь я повзрослел. Фриц!

Суббота, 24.08.1918 <Дуизбург>

Вчера вечером у меня был долгий разговор с товарищем, с <Людвигом> Ляйглем. То, что до сих пор неопределенно маячило передо мной, получило определенную форму. Именно форму мысли – призвать после войны молодежь Германии к борьбе против всего ветхого, гнилого и поверхностного в искусстве и жизни. Начать новую эпоху серьезной работы и прогресса в областях, которые до сих пор прозябали в застое, если не откатились назад. К мощному единому выступлению молодежи против всего дурного (в широком смысле). Это значит выйти за пределы частностей, бороться против затхлых оперетт, водевилей и т. п., выступать за хорошее, настоящее искусство, создавать такое искусство, находить новые пути, прокладывать пути для хорошего нового, замечать и уменьшать то огромное количество посредственного (стихи, романы и т. д.) с тем, чтобы лучшему расчищать новую дорогу. Штурмовать устаревшие методы воспитания, включая бойкотирование школ, бороться за лучшие условия жизни для народа, земельную реформу прежде всего, бороться против угрожающей милитаризации молодежи, против милитаризации в любой форме ее существования. Решительное выступление против закона, если он способствует злоупотреблениям и угнетению. В первую очередь стремиться к внутренней правде и серьезности во всех вещах, бороться против мелкого и низменного во всех его проявлениях.

Мы, молодежь, которая достигла зрелости в тяжелые времена, мы, которых смерть и беда сделали откровенными, мы, искавшие и нашедшие свою душу, выступаем против закона и искусства, стремящиеся снова приручить нас то ли детскими площадками и конфетками, то ли смиренными рубашками и дубинками! Мы требуем жизни и искусства, достойных нас! Если мы его не получим, мы разрушим старое и создадим сами форму, которая сможет нас вместить! Вперед, это того стоит! Вы, шарлатаны и торгаши, кто ради денег пренебрегает искусством, вы, ремесленники от искусства и бизнесмены от искусства, кто пытается заманить жалкую отечественную публику своими дешевыми или рафинированными эффектными поделками: вы уже слышите шаг возвращающейся на родину немецкой фронтовой молодежи? Вы чувствуете резкий ветер правды, который веет в ваши затхлые темные подвалы? Вы верите, вы, наставники, вы, законодатели, что встретите нас тем, что уже было раньше? Другие люди – другие деяния – другие законы. Мы не покоримся! Тысячи из нас сражались со смертью, должны были стать ее жертвой! Их жизни были сломаны ради нашей свободы, и они нам напоминают с мольбой о нашем долге, о нашей жизни, если от нас снова потребуют жертвы! Не обольщайтесь, будто немецкая молодежь будет гибнуть и страдать из патриотизма, за «кайзера и империю»! Выметите это из ваших сердец! Патриотизм проявляют только освобожденные от военной службы и наживающиеся на войне!

Патриотизм, которым вы наводняете газеты, – знак стадного чувства, но не знак свободного духа. Разве это подвиг, если я должен рисковать жизнью и отдавать жизнь за абсурдную идею, за глупость государственных мужей, чтобы уступить место человеку, чьи привычки и образ жизни мне давно уже не по душе? Не является ли эта война чудовищным извращением природы? Некое меньшинство диктует, приказывает большинству: «Теперь война! Вы должны

отказаться от всех планов, вы должны стать жесточайшими и злобнейшими зверями, пусть пятая часть из вас погибнет!»

Надо ли полагать, что так должно случиться?

Разве можно говорить, будто это меньшинство и есть голос большинства? Безумие! Между теми и этими – пропасть.

Может быть, у этой войны есть одна хорошая сторона, это моя молитва: пусть она поможет немецкой молодежи определиться! Я думал именно об этом: найти средства и пути к своему признанию и сплочению. Наконец, распространение идей через убеждение, связь с теми, у кого есть интерес и влияние. Затем следовало бы прийти к созданию полевой газеты или чего-то подобного общественного, чтобы во время войны занимать внимание многих, привлечь союзников, которые после войны при достигнутом успехе продолжали бы сотрудничать, вообще иметь такой орган с максимально широким распространением, чтобы решающий призыв мог прозвучать повсюду. Для этого нужно иметь связи с (понимающими дело или уже работающими в этом направлении) деятелями искусств, критиками, режиссерами, теоретиками, экономистами, философами, политиками и т. д. Прежде всего необходимо, прежде чем прозвучит призыв, создать соответствующую организацию, выработать определенные ценности, чтобы не просто атаковать и разрушать, но одновременно еще и строить. Чтобы можно было сразу же ответить на упрек в разрушении доказательными делами!

Идея еще не так стара. Время и друзья дадут ей возможность созреть, развиться и оформиться. Сейчас или никогда самое время, чтобы завоевать и присоединить молодежь. Нужда, солдатчина, борьба объединяют и делают отзывчивыми. Глубже и совершенней! К силе и отваге молодежи прибывают знания и зрелость мужчин. С такой молодежью можно завоевать тысячу духовных стран. Время пришло! Дай нам направление и разум, природа!

Понедельник, 10.09.<1918. Дуизбург>

Ничто не учит! Вчера вечером я был в трактире с несколькими солдатами, рядом с лазаретом. Там я встретил скрипача из театра в Карлсруэ *, с которым я иногда играл Вагнера. И вот мы некоторое время находились в маленькой комнате, где стоял рояль, и тут картина ожила, пришла молодежь! Постепенно образовался кружок, в нашей комнате собрались около десяти девушек в возрасте семнадцати – двадцати двух лет и два «господина» в возрасте семнадцати лет. Мы были поглощены своей музыкой и не особенно обращали на них внимание. Но вскоре заметили, что перед нами находились вовсе не наши слушатели. А кто же? Объединение! Настоящее немецкое объединение! Переключка, касса, все расположились за длинным столом празднично и по порядку. Президиум произнес некую вводную речь, которая скоро перешла в обсуждение, кто сколько и что подарил друг другу на дни рождения. Тем временем один из «господ» достал что-то вроде журнала – да, если точно определить этот предмет, приходится употребить это иностранное слово – и предложил его вместе с карандашом удивленным присутствующим «с целью подписки». Ко мне они не подошли! Наконец появился хозяин с хозяйкой во главе и «господ солдат» попросили покинуть помещение в связи с «закрытым заседанием объединения» (о Германия, и это, называется, молодежь). С переходом к «праздничной части» им было разрешено вернуться. Ко мне никто не обратился, поэтому я остался сидеть за роялем. Я слушал этот бред, обсуждаемый с самыми серьезными лицами: о подарках ко дню рождения, о театральных представлениях, которые хотелось разыграть (каждый по одному), – все так плоско и жалко. Наконец кто-то из молодых парней счел необходимым взять с рояля скрипку моего товарища, чтобы пощипать струны. Я сказал: «Молодой человек, я хочу обратить ваше внимание на то, что эта скрипка стоит триста марок». При этом я постарался сделать такое лицо, что девушки испугались и попросили: «Ах, перестань». Когда же должна была начаться «праздничная часть», я вышел и не заплакал горько, а сыграл партию в бильярд.

Желание играть на рояле у меня прошло, кто-то другой забарабанил вальс лесного черта. После этого я все-таки снова вместе со скрипачом вернулся к Вагнеру и погрузился в его одухотворенный поток. Мне нравится, когда молодежь собирается вместе, чтобы повеселиться, – но тогда их цели не должны ограничиваться тем, что надо платить тридцать пфг¹ в месяц, чтобы потом иметь возможность выбрать подарок ко дню рождения за три с половиной марки. И это общество еще имело название «Клуб путешествий «Единство»! Примечательно! Я слишком много времени посвятил описанию этой бессмыслицы, но, думаю, это не единичный случай.

Боже мой, когда я вспоминаю о наших чудесных вечерах на чердаке Фрица, где были и молодость, и красота, и зрелость, и мечта, и глубина! Благородство!

Эти горячие воспоминания потрясают меня так часто. О, эти вечера, в которые можно было полностью и счастливо погрузиться, освободившись от грязи, смерти и тоски! Фриц, единственный, мне часто казалось, что моя жизнь окончательно разобьется, потому что тебя больше нет со мной. С тех пор как ты умер, у меня не было ни одного спокойного часа, хотя я пытался часы пощады и милости довести до самой вершины – и все же грязь оставалась на моих подошвах и отвращала меня от золотого кубка. Ты был моей родиной, Фриц – и теперь меня гонит по морю прочь отсюда. Бесцельно = к тысяче целей.

Дуизбург, 04.10.1918

Написал письмо Людв. Бете* . Положил на музыку его стихи «Ранним утром» и проиграл их ему в О. <Оснабрюке>. Сегодня вечером был у Марты. Меня скоро выпустят из лазарета снова на фронт. Зимними вечерами, освещенными лампами, я уже весьма порадовался театру, концертам и приятной работой. Теперь мне придется вместо этого стоять на холодном посту в окопах. Так или так! Это всего лишь прогулка! Ее совершаешь часто до тех пор, пока однажды уже не вернешься. Тогда какой-нибудь пастор пропоет над тобой стих псалтыри, и твои домашние наденут черные платья, немного слез, немного сожалений – и вечный, неустанный поток жизни шумно потечет дальше, как будто этого сердца, этой тоски никогда не существовало. Кого это касается.

Воскресенье, 13.10.1918. <Дуизбург>

Наконец наступил мир! Большой радости он тем не менее не вызывает. Кажется, что люди уже привыкли к войне. Она стала причиной смерти подобно любой другой болезни. Немного неприятней, чем туберкулез легких. Я тоже не испытывал настоящей радости – почему, сам не знаю. Я уже почти свыкся с мыслью, что надо опять отправляться на фронт. И теперь меня раздражало, что в этом больше нет необходимости. Теперь, кто знает, может быть, это скоро пройдет. Тогда я снова возрадуюсь мирным временам. И только заботы впереди: все уже по-другому, Фриц умер, ни к кому из людей у меня нет настоящей привязанности – все не удалось, отодвинулось, расстроилось, – так надо начинать жизнь, которую когда-то весело и счастливо оставил.

Одинокий и сломленный. Все серо и мрачно.

Вчера вечером я был в театре. Танцевальный вечер с Сильвией Герцог. Мне нравится смотреть на красивых женщин. И на танцующих тоже!

21.10.1918 <Дуизбург>

Утро

Война будет продолжаться или только начнется. Тоже хорошо! Со всем надо разобраться. С ранней смертью все равно приходится считаться. Иногда возникает все-таки надежда на дея-

¹ Пфёнинг – разменная монета достоинством 1/100 марки.

тельность и творчество. То и дело вспыхивают мечты о благородной человечности, славе и воспитании народа. И вновь мертвая тишина и снова ожидание конца. Опасность и ограничения делают это время не таким уж неприятным. Это нечто большее, чем нежелание работать над собой и для себя, поскольку ничто не имеет смысла. Скоро, рано или поздно, докатится этот шар, на который надеются как на спасителя, но перед которым еще больше и чаще испытывают страх. Это чувство парализует многие творческие силы.

Полдень

Как раз получил новый дневник. Великолепный толстый том. Я перелистнул страницы и задумался, что еще должно произойти в мире, прежде чем я заполню последнюю. Быть может, я буду тогда свободным человеком, без какого-либо ярма, и окажусь занят только строительством храма моей мечты. Быть может, я стану знаменит и почитаем – но, быть может, меня загонит моя ищущая приключений душа в глубочайшие низины жизни. Быть может, тогда буду я носить на челе золотой венец заслуженного счастья – но, быть может, терновый венок страдания и муки. Быть может, я окажусь уважаемым человеком, окруженным понимающими меня людьми, среди которых я смогу чувствовать себя вольготно, получая от них вдохновение к радостному творчеству. Но, быть может, я буду стоять на серебристых фирновых высотах отрешенного одиночества и только время от времени склоняться в мыслях и мечтах к далекой от меня земле людей. Быть может, я поплыву в бурном водовороте жизни, который меня с шумом поглотит. Быть может, я все еще буду стоять в нерешительности на берегу, вдали от всего. Быть может, я так никогда и не доведу до конца эту новую книгу, не дойду до ее последней страницы, или кто-нибудь другой возьмет перо из моих рук, перевернет несколько пустых страниц и напишет твердой рукой на последнем листе: «Пропал без вести!» Утонул, потерялся, помешался, погиб! Все напрасно. Вычеркнут и выскоблен из книги жизни – мертв!

1935–1955

Дневник

Начат 4 апреля 1935 года в Порто-Ронко

Порто-Ронко, 04.04.1935 (четверг)

Ясно, ветреный весенний день. Глицинии у дома в цвету. Утром мы с Петер* гуляли по саду вместе с собаками. Самые простые вещи опять доставляют мне чистую радость – светлая, волнующаяся зелень лугов, кадмиевая желтизна примулы, одиночные красные побеги среди прочих крупных цветущих камелий, взлетающие уши молодых собак, которые то тут, то там мелькают в камышах, чистый, свежий воздух с озера, узкая, красивая голова Петер под голубым небом.

Самая чистая радость – но довольно ли этого? Были ли цели более значительными? Пусть даже без радости?

Хорошее, спокойное настроение весь день – как обычно после вечернего заката. Вчера днем видел супружескую пару Фриш. Обоим за пятьдесят. Трогательно видеть жену с непоколебимой верой в мужа – это заметно только по одному взгляду и по одному слову, но захватывает. Замкнутые, скромные, прочный маленький мир, собственно неудачники, но крепко привязанные друг к другу. Книги-переводы; муж пишет еще и романы.

Вечером пригласил обоих. Выпили. Немного. Но оба были после этого несколько навеселе. Музыка. При соль-мажорном концерте можно было по вниманию слушающей пожилой женщины увидеть, как она выглядела в молодости. Даже лицо стало моложе.

После этого бар «Монте Верита». Зубной врач, который выглядел как ветеринар. Из мелких служащих. Пытался выглядеть по-светски. Возможно, из-за своей жены. Красивое итальянское лицо, но с грацией коровы. Тут же маленький итальянский консул, знакомством с которым зубной врач гордится, но на которого он бросает ревнивые взгляды, когда тот танцует с его женой. Быть женатым – это значит всегда находиться в обороне. Обладать – значит терять. Человеком обладать нельзя. Разве что в фантазии. И тогда это только иллюзия. Желание обладать другим человеком – это кошунство.

Человека можно любить – это все. Но как это много!

Порто-Ронко <20.01.1936>

20 января 1936. Понедельник. Серая, сырая погода, четыре градуса выше нуля. В среду вернулся из Парижа. Ощущения дома нет. Может быть, никогда.

Позавчера в полдень звездочет Ламби. Счастливый человек, ибо абсолютно односторонний. Ничего, кроме гороскопов и таблиц. Рассказал о самом сильном переживании своей молодости. Дома был праздник. Двумя домами дальше у соседей лежал мертвец. (Может быть, даже в доме рядом.) Траур. Ребенок не мог понять, как то и другое могут быть одновременно – так близки отчаяние и радость, – как может быть веселье, если у соседа горе. Чудовищная бесчувственность жизни.

Семья – защитное сооружение природы против безбрежной тьмы. Оболочка, отделяющая от проблем человечества. Убежище для посредственности. Человечество? Какое нам до него дело? Лишь бы это не касалось семьи. Горе в доме соседа? Но с нами же ничего не случилось. Война в Восточной Африке, голод в России, наводнение в Китае? Тени против вопроса: попросит ли наконец этот инженер руки Бетти и сдаст ли Пауль свой экзамен?

Вчера вечером Олли Вотье и эта русская, Барбара Дью, жена пианиста Никиша. Муж лежит уже несколько дней в постели, он уже год как страдает от очень странной болезни. Воспаление желез. Тридцать четыре года. Жена молода, весьма далека от него, с черными глазами, очень живая и импульсивная. Оба в нужде; получают с большим трудом деньги из Германии. На отель приходится занимать у одного, на домашние расходы у другого и т. д.

Среди моих грампластинок была одна от этой женщины. Цыганские песни, колыбельная. Было удивительно, когда пластинка кончилась, молодая женщина вдруг стала подпевать. Отражение, эхо. Живой человек как эхо.

Письмо от Анни* с рисунками. Девушка без орфографии.

На дворе цветут пальмы под дождем. Пятна снега на газоне. На Рождество шел такой снег, что рвались телеграфные и электрические провода. В саду обломился один из кипарисов. То же самое с ветвями камфарного дерева.

У сучек течка. Волнение у прочих пяти. Больше всех обращает на себя внимание Билли*. Он весь день приплясывает и скулит. Вчера вечером я с трудом спас Гиту от массового изнасилования. Томми открыла дверь в столовую и выпустила сучек. Охота на озере.

Три дня назад вечером Криста Винслоэ и Виктория Вольф. Художественный и буржуазный темпераменты рядом. Обе писательницы. С атмосферой и без.

Криста рассказывала о Флоренции. Подруга, замужем за владельцем отеля «Савой». У мужа была ранее связь с одной очень красивой русской. Год назад признание; брак снова восстановлен; муж объявил, что он порвал с русской. Новогодний вечер с гостями на вилле супружеской пары. Гости были уже там, веселились, отдыхали, муж должен был прийти позже. Позвонил ночью жене: он у русской, не может прийти, она умирает у него на руках. Жена целый год не подозревала, что он продолжает встречаться с русской. Утром муж приходит домой усталый, сломленный. Русская умерла. Он не знает, куда идти, кроме как к своей жене. Она указывает ему на дверь. Окончательно. Навсегда. Несмотря на то что любит его. Несмотря на то что соперница, которую она ненавидела, теперь мертва. А может быть, именно поэтому.

Утром нового года Криста отправилась на поиски гроба во Флоренции.

Из разговора с Ламби: странно, что так много кухарок сходит с ума.

Криста рассказывает. С какой-то американкой во Флоренции в баре. За соседним столом пожилая женщина с отрешенным взглядом. Вмешивается в их разговор. Говорит: «Люди не врут так много, как на Рождество». Это по сердцу Кристе. Она вдруг рассказывает историю. Американка, которая вышла замуж за молодого итальянца, покупает ему графский титул и начинает вести хозяйство в большом доме во Флоренции. Весь город в ожидании, когда муж поведет себя как обычно – начнет гулять, заведет любовниц и т. д. Ничего не происходит. Два года длится их счастливый брак. Однажды жена обедает в баре. Ее подзывают к телефону. Ей надо бежать в больницу. Ее муж мертв. Во время урока фехтования у учителя фехтования лопнула защита от шпаги при ударе в сердце. Мужчина умер практически мгновенно. С этого времени каждый полдень женщина сидит в баре на том же стуле, на котором сидела тогда, когда ее позвали к телефону. Безумие случая.

«Все с ней очень вежливы», – сказала Криста.

19.05.<1936. Будапешт >*

Четверг, 19. Будапешт. Парная, баня, портной, завтрак с Э.* на террасе. Глубокий сон. Вечером к Эдельсхайму, чай, потом к одному художнику, графу Баттиани, на коктейль.

Маленькая комната, много картин, стиль вроде Бердслей-и-Ензор, Оскар Уайльд в Пеште. Художник высок, коричневый макияж, красная гвоздика, ботинки из дикой кожи, голубой. Подвел нас к картине «Отравительница» и объяснил, что он нарисовал ее кровью своего сердца. Выражения достаточно. В сумерках за окном каштан и цветущая бузина. В спальне кровать поставлена наискосок, на четырех стойках и чем-то вроде балдахина из красной материи. Туалетный столик. Два гребешка среди вещей. У обоих сломанные зубья. Вокруг в тесноте сгрудилось общество. Глупые вопросы, глупые ответы. Гита Альпар. На этот раз блондинка.

Потом ресторан «Голубь» с графиней Эдельсхайм и Э. На дощатых столах зелень и пиво. Хорошая пивная. Еще здесь Илли, самая юная из Эдельсхаймов, англичанка, тонкая, симпатичная и бледная, и Брунsvик. Э. пьяна. Мило. Забыл все адреса. Затем мы с Э. в баре «Тавиан», рандеву с Борнемиса. Бар оранжевый, красный, зеленый, синий. Ужасно. Великолепный ударник-негр. Через Беппо, который играл на губной гармонике, заняли денег. Знали его по Берлину. Затем «Плантаже», ресторан голубых. Красивая мулатка. Борнемиса объяснил, что это еврейка из Драйтроммельгассе. Потом «Попугай», пыльный, огромный сарай. Бар «Аризона». Внизу за столом первые настоящие голубые. Мисс Аризона с альбомом автографов. Мы с Борнемисом расписались как Арнольд и Стефан Цвейги. Потом пожалели. Расставшись с Э. встретили Риа. Привлекательная. Хочет быть не просто девушкой из бара. Любви. Назад в «Мулен Руж». Там Борнемиса произвел сентиментальную атаку на Э. Сначала женитьба. Потом дружба. Затем рандеву в каком-то отеле с маленькой датчанкой. Погода в Пеште меняется быстро. Е. независима. В пять часов вернулись в отель. Все еще те же буро-желтые розы в утреннем свете, дуновение Бога, влажное от дождя и свежее, забыли обо всем, что было до этого, тихий смех, разговоры весь день, чувство большой надежности друг с другом, и магическое сияние надо всем.

22.05.<1936. Будапешт>

Пятница. Обед у графини Маргит Бетлен. Скучно. Умер Шандор Марай^{*}. Мягкое, полное лицо с меланхолическими темными глазами. По дороге домой немного поговорили о композиции одной из работ. Тон, атмосфера, мужское и человеческое – это главное. А композиция – это скорее нечто эпизодическое. Верно не совсем, но что-то в этом есть.

Вечером у Эдельсхаймов с Э. Немного выпили, потом с матерью и ее тремя прекрасными дочерьми прошлись по улице на вечеринку у барона Франца Хатвани. Очень красивый дом. Прекрасные картины, мебель, красивые ковры. Хозяйка дома стройна, как у прерафаэлитов, белокура и, скорее всего, до симпатичности глупа. Он – маленький седовласый еврей с очень короткой шеей. Художник. Прекрасная терраса, обращенная на Дунай, с видом на огни города. Какое-то время поговорил с Сиа Ратней, дочерью Эллы Эдельсхайм. Юна, своевольна, благодаря воспитанию полностью лишена представления хотя бы о толике жизни, трогательно. Е. в окружении и осаде мужчин. Графиня Тахер, дерзко-красивая, блондинка, откуда-то из мрака. Потом сидел за печкой с Эллой Эдельсхайм и молодым махараджей из Капурталы в ателье Хатвани. Пили абрикосовое вино. Большая дружба с индийцем. Вино скоро кончилось. Элла распорядилась принести новое из ее дома. И его выпили. Пришел хозяин дома с ключом, открыл одну из картин и показал под ней нечто свинское, однако настоящего Курбе. Тоже нечто! Пришла Э., рассказала о попытке изнасилования в саду со стороны некоего поляка. Сказала, что еле спаслась. Что я должен был ее спасать. Показала мне этого петуха. Я предложил ему две рюмки вина. Не мог же я его, к сожалению, побить. Я бы этим мог только скомпрометировать Э. Петух что-то заподозрил и пить больше не стал. Только шампанское. Хорошо, тогда шампанское. Я уклонился. Вернулся к тонущему под развевающимися флагами махарадже, который, как стойкий солдат, пил все подряд. Мне весьма понравилось, как он напивался. Слуга уронил стакан с малиновым мороженым на платье Эллы Эдельсхайм. Она

стойко вынесла это. Наконец появилась, как коршун, графиня Тахер, чтобы поздороваться с Эллой Э. Уже несколько часов, как индеец изменяет ей с Эллой Э. и со мной. Вряд ли уместно приветствие с кинжальной сердечностью. Тем временем снова возник поляк. Я опять бросился на него. Он увернулся, пил мало, был уже довольно пьян от абрикосового вина, но снова приставал к Э. Я сказал ему, будет лучше, если он пойдет домой. Оттер его подальше. Он еще пытался протянуть Э. руку. Для меня это уже слишком. Я отвел ее ногой, встав перед ним над диваном. Повторил еще раз: будет лучше, если он уйдет. Он ушел. Я и сам был довольно пьян. Увидел трех других детей Пешта с Э. Хозяин дома среди них. Отошел от нее, так как четверо – уже перебор. Когда-то надо уйти. Усталая, белокурая, бравая хозяйка дома. В машине Э. заявила мне, что не надо было так поступать с поляком. Некоторые так или иначе это заметили. Я вдруг взорвался. «Зачем тогда ты мне сказала, что я должен тебе помочь? Если женщина подобное говорит мужчине, с которым она в подобных отношениях, тем более уже выпившему, то должна соображать, что все может случиться!» Страшно разругались. Злость из-за того, что не смог как следует наказать поляка, злость на Э., злость на себя, на Бога и мир. Хотелось все крушить. Крушить все до основания! Любовь тоже. Все поломать. Доставил Э. в отель. Смотрел, как она идет к лифту. Видел ее откинутую голову. Ее взгляд. Знал, это последняя ночь, уже рассветные сумерки, расставание. Тупо стоял. Поехал к парижанке в «Гриль», остров маргариты. Там встретил махараджу. Там было еще больше народу. Не могу вспомнить точно. Какой-то Николаевич. Пил с индийцем. Большая дружба. Музыка над столом. Две или три девицы из бара. Милый управляющий, который все время удерживал нас от выпивки. Наконец в девять часов в «Палатино», завтрак. Чудесное солнце. Махараджа уже не выдержал, исчез. Зеленый газон, небо. Некоторое стеснение перед официантами. Такси. Злость на Николаевича. Высадил девиц, Николу, он стоял во фраке среди шума улицы, отель, комнату запер, чтобы Э. не могла войти, все еще злость, заснул.

Проснулся, потому что Э. была в комнате, попросила консьержку открыть комнату. Была уже с шести часов все время у моей двери. Уже в страхе позвонила Элле Э. Я не знал об этом. Сказал, пусть она уходит. Все еще зол. Она в слезы. Страшно заплакала. Я протрезвел. Молчал. Взял ее за руку. Не мог ничего сказать. Она громко плакала. Чувствовал, меня проклинала. Наконец поднялся. Спустился с ней вниз. Попытался объяснить. Она тоже. Она уже собралась. Комната пуста, не убрана. Где-то поели. Где, не помню. Искупались вечером еще раз. Снова поднялись. Собрали последние вещи. Поехали на вокзал. Она рассказала мне, что даже хозяин дома наверху при прощании, когда она забирала свой плащ, попытался ее поцеловать за гардиной. Седой Хатвани. Смеялась. Чудесно, что она уже не упрекает, она готова, пытается все забыть, забудет. Я, напротив, задница. Почему только в задниц так влюбляются. Польди* появился у поезда. Расставание. Расставание. Веющая, вздрагивающая, прощающаяся одинокая рука под старым небом, пустым, опустошенным вечером, веющая рука среди многих скользящих, пролетающих черных железных столбов.

Вечером ужинал с Тутчами* в «Геллерте». Цыган играл все песни для себя одного. Без Э. Фрау Тутч* захотела в «Паризьен Гриль». Хотела увидеть, что я натворил. Из-за меня. Бедные люди, они во всем хотят принять участие. Тоска по хорошему обществу. И всегда мимо. В «Грилле» большой прием. Фрау Тутч сияет. С гордостью оглядывается. Мне все равно. Выпил абрикосового вина. Появились скрипачи, играли великолепно. Медленно. Тепло. Девушки танцуют. И те вчерашние. Прекрасная картина. Еще абрикосового вина. Молодой управляющий: «Зачем вы так много пьете? Это же так дорого». Добрый малый. Наконец ухожу. Управляющий проводил до двери со словами: «Если вы придете завтра, мы принесем вам в отель бутылку нашей абрикосовки». Посмотрим. Кивнул. На мосту через Дунай Тутч посадил меня в такси. Поехал в «Мулен Руж». За соседним столом театральное общество. Подсел к ним. Потом остался с каким-то журналистом. И еще красивая, сияющая девушка, которой я послал

бутылку, не ожидая ничего в ответ. Мы потом заходили в разные рестораны, становившиеся все меньше, только с одним пианистом. В одном из них мы нашли спящего великолепного ударника-негра из Тавиана. Он спал и, бесконечно устав, не сгибаясь, сидел за своим пивом. Потом проводил домой девушку. Она не хотела. Плакала. Тогда доставил ее к жениху, врачу. Думаю, что это был сумасшедший дом. Она плакала. Была расстроена. Не хотела брать деньги. Что-то с ней случилось. Что-то сломалось. Родители, или врач, или жизнь. Была такой сияющей в ресторане.

26.05.<1936. Вена>

Вена. Позвонил Рут*. Она пришла к портному Книце. С начала 1933 года больше не видел. Нежные воспоминания. Нежное настоящее. Все осталось, только легкая тень лет, которая делает их еще слаще, тенистее, прекраснее. Пошли в бар «Гранд-отеля», пара мартини. Она была легка, воздушна, счастлива, и, как она меня уверяла, в первый раз раскована. «Это конец», – сказал я. «То, что ты здесь, – произнесла она, – сделает меня навсегда счастливой». «Это конец», – подумал я. Она ушла. Я поехал к Шенеру. Обедал в саду один. Цвели каштаны. Потом в отель. Поднялся, кто-то бросился мне навстречу, я сначала не понял кто, потом я узнал ее. Ханзи, дочь Т.* Она запыхалась, решила остаться, хотя собиралась вскоре ехать в Брно, если вечером я соглашусь с ней поужинать. Я согласился. Я никогда не могу отказать, черт возьми!

После полудня Рут. Радостная и милая. Нежное воспоминание.

Вечером ужинал с Ханзи в «Гранд-отеле», потом в разных барах, все мертво, с каким-то легким запахом плесени, усталый, скучающий, радостный, что наконец вернулся в отель. Один в комнате. Устал. Плохо выпался. Слишком много курил.

30.05.<1936. Вена>

30 мая. С утра Рут. Разговор о том, действительно ли это конец. Нет, естественно, да. Расставание с кем-то – это всегда расставание с самим собой. Лодка, с горсткой огоньков воспоминаний, лодка, плывущая все дальше во мрак. Становится прохладней. Но было ли когда-либо тепло? Не было ли это потерей уже двадцать лет назад? И был ли я когда-нибудь богат?

Днем сборы. Новые костюмы и белье вперемешку со старым. Потом через силу позвонил Яне*. Она пришла. Внизу, в зале, Рут, Ульрих* и еще кто-то. Мельком увидел Адриенну Томас*. Понравилась мне больше, чем в первый раз. Прощание. Яна со мной на вокзал. Опоздание на три четверти часа. Прогулка вдоль поезда. Женщина, похожая на Беттину*, в окне поезда. Отдал Яне оставшиеся шиллинги. Отъезд. Вагон-ресторан. Официант посадил за мой стол девушку; рыжие волосы, очень бледная, зеленоватые глаза, удивительно прозрачная и полна привлекательности, сильно напояженная нижняя губа, большой рот. Артистка. Ирма-гард Келль. Едет в Лугано на полмесяца. Выпили вместе немного вина.

05.06.<1936. Порто-Ронко>

Солнечная погода. Усталость, не только в теле. Писал письма, немного. Пишу без охоты. Как письма, так и книги. Послеполуденный сон, потом поехал в деревню. Встретил Викторю Вольф. Посидел с ней перед «Вербано». Разглядывали публику. Поехал домой. Внезапная усталость. Помылся. После этого стало лучше. Кажется, немного простыл. Что-то я слишком устаю для своего возраста. Возраст. Я не знаю, чего я хочу. Цели? Боже мой, что это за цели, в которые надо верить! Если я не знаю, откуда, куда, зачем, – чем могут быть тогда все эти цели, если не блаженным самообманом? Даже героизм может наскучить.

О, какая кожа цвета персика – нежное счастье секунды. Глаза любимой – чужие глаза мира. Любовь – не что иное, как несколько пестрая смерть. Смертельная борьба начинается в момент рождения – прощание с первой близостью. Ах, мы уже так давно это знаем, что устали думать об этом. Голубые мотыльки пролетают над озером. Голубое падение в глубину, в которой сверкает молния, и тихий гром.

Любезной сердцу моему была ты,

Возлюбленной на час!

«Возлюбленная на час» – понимаешь, что это значит?

Не любимой, о нет, но возлюбленной – точно!

12.06.<1936. Венеция >*

Выехал утром около одиннадцати. Комо, Лекко, Бергамо, Брешия, Венеция. Между Брешией и Венецией тучи и гроза. Дорога от Местра к Венеции очень широкая, новая, красивая. Въезжаешь в Винету, которая выныривает из воды. Современные гигантские гаражи. Потом с багажом в гондолу, и в сумерках, при свете первых фонарей, под дальними вспышками зарниц позади нас, над морем, через Большой канал, хаос малых каналов, перспективы, великаны домов, мосты и мостики, внезапно вынырывающие садики у площади Святого Марка, и отель «Даниэли». Красное, красивое здание, прекрасно выполненное в стиле палатцо. Комнаты, впрочем, старые, обстановка скромная. Вечером с Э. на площади Святого Марка – чудесные летящие обрывки облаков в ночном небе, светлые и торопливые над Дворцом дождей, который великолепен, – и таверна на площади. Много вина и омаров. Спокойное настроение после дерганного, вечно полного слишком запоздалого раскаяния настроения дня, когда перед обоими уже мерцал, пугая, вопрос о расставании. Ночью гудки кораблей. Крики и временами плеск воды.

16.06.<1936. Лорана/Истрия>

Солнце. До полудня купались. Поспали. К вечеру поехали в Абазию. Сидели на пляже. Глазели на публику. Не стоит говорить, что у буржуазности нет нюансов. Нет ничего печальней, как видеть пары, над которыми нависает усталость обыденности. Покрытая пылью любовь; огород чувств. Вечер с огромным каменным блюдом горизонта, ветер из тысячелетий, мимолетный блеск чудовищного мгновения. Бытие – кто знает, что с ним делать? Ломовые лошади жизни, вечный сор природы – были ли нужны тысячелетия, чтобы все это нагромоздить? Стоило ли ради неизвестной цели потратить столько усилий? И не набегает ли просто, волна за волной, тысячелетие за тысячелетием на этот пляж, ни на шаг не обгоняя друг друга? Сколько лет этому миру? Тридцать восемь лет – как и мне.

Удивительная ночь и очень беспокойная. Мне снилось, что должен умереть кто-то, кто ее знает. Вечером звонил в Берлин. Странно, что служанке, которая хорошо знает Э., снился такой же сон.

25.06.<1936. Порто-Ронко>

На следующее утро* Э. рассказала, что ей было плохо. Охватил сильный страх, надо позвать слугу спустить чемоданы. Ждал наших друзей. Ходил купаться. В полдень мы уезжали. Управляющий широко улыбался. Мы тоже. И слуга в машине тоже. Был один из друзей. Весь путь до Лугано по автостраде ничего, кроме смеха над деталями этого вечера. «Если бы

Энтинг* знал это, – сказала Э. – Он думает, мы провели в слезах наш последний вечер, а вместо этого напильсь, шум и гам».

Поели в Комо. «Метрополь». «Свиссотель». Очень хорошо. Печень. Смотрели на отдыхающих в узких штанах на подтяжках. Ходили, не стесняясь, молодые, с дамами, уводили их. Озеро вышло из берегов. Лодки примыкают прямо к площади. Маленький мальчик играет в кустах. В Лугано к Лидо. Купались. Затем на вокзал. Э. уехала. Уехала.

До Порто-Ронко один. По дороге въезд запрещен. Назад через Беллинцону. Порто-Ронко. Там Петер с Беттиной. Несколько прохладное приветствие. Собаки. Поиграл с Билли. Вокруг носились три молодые кошки. Посмотрел почту. Рано лег спать. Все несколько странно. Начал читать книгу Каца*. Одинокая жизнь.

28.06.<1936. Порто-Ронко>

Воскресенье. Дождь.

29.06.<1936. Порто-Ронко>

Понедельник. Дождь. Вечером один в «Монте-Верита». Ничего не происходит.

08.07.<1936. Порто-Ронко>

Дождь. Читал пьесы Оскара Уайльда. Отличные диалоги. Немного поработал*. Беспокойство. Думал об Э. Мне ее не хватает. Заметил, как я потерян. Ленив, нерешителен, небрежен, пассивен. Мне нужен рабочий кабинет. Но это, возможно, лишь отговорка. Придется принять снотворное.

15.07.<1936. Порто-Ронко>

Среда. Дождь. Солнце. Позвонил Э. Мне ее не хватает. Кажется, мне очень далеко. Странно, что политика приводит к тому, что невозможно увидиться, когда хочется. Э. ищет для меня животных. Предлагает мне какого-то тукана, – еще ворона, – и победителя имперского конкурса кота Дионисоса. Ворон ворует, тукана сожрут собаки, – и победитель имперского конкурса так одичает, что будет нападать на людей.

Ворон еще как-то интересен, – но у нас слишком мало столовых приборов.

16.07.<1936. Порто-Ронко>

Четверг. Солнце. Эдит, сестра Петер, прибыла с мужем в Локарно. В старом, добром, маленьком «Опеле», через Италию. После полудня Петер отвезла меня туда. Обедали в Вербано. Людей мало. Фройляйн Тухман. Декоративная еврейка. Но не хочет такой казаться. Вечером отослал Беттину спать, доставил Эдит и Шл*. Отношения в Берлине. Смешно, отвратительно и жутко. Новейшая шутка: людей прокатить по книжным полкам и потом избить до полусмерти. И женщин. К олимпиаде прекращена любая антисемитская пропаганда.

07.08.<1936. Порто-Ронко>

Работалось лучше*. Закончил сцену в баре. К вечеру появился Людвиг*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.